

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫПУСК I

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

Под редакцией
АКАДЕМИКА В. В. СТРУВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

В. А. Ромодин

ДИР И СВАТ

(Историко-географический очерк)

Доложено на заседании Восточной комиссии Географического общества Союза ССР 12 апреля 1956 г.

Дир и Сват — горные области отрогов Гиндукуша в Западном Пакистане. Их площадь составляет около 13 тыс. кв. км, а численность населения около 700 тыс. человек. Они занимают самую северную часть пограничной с Афганистаном полосы Пакистана, населенной афганскими (иначе пуштунскими или патанскими) племенами. Только Читрал отделяет Дир и Сват от тех вершин Гиндукуша, где сходятся рубежи СССР, КНР, Афганистана, Пакистана и Индии. Уже по своему географическому положению эти небольшие горные области Пакистана заслуживают внимания советских востоковедов. История княжеств, существовавших на территории Дира и Свата до 1955 г., интересна во многих отношениях, являя собой редкий пример очень позднего образования феодальной государственности.

Однако до сих пор на русском языке нет ни одной статьи по истории и географии Дира и Свата, а имеющиеся в нашей научной литературе сведения о природных условиях, хозяйстве, населении и прошлом этих областей за немногими исключениями весьма отрывочны и приводятся лишь попутно, в связи с освещением более широких вопросов географии и экономики Северо-Западной пограничной провинции Индии (с 1947 г. — Пакистана) или этнографии и истории афганцев и соседних с ними народов¹. Предлагаемый вниманию читателей очерк составлен с целью хотя бы отчасти восполнить имеющийся в литературе пробел кратким обзором основных событий политической истории княжеств Дир и Сват, но без претензии на полноту охвата материала. Приводя некоторые географические и историко-этнографические сведения о Дире и Свате, автор исходил из того, что даже весьма неполная сводка разрабо-

¹ Из таких работ дореволюционных русских исследователей прежде всего см.: «Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Кабулистан и Кафиристан. Перевел с присовокуплением критических примечаний и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати лет, В. В. Григорьев, ординарный профессор Императорского С.-Петербургского университета по кафедре истории Востока», СПб., 1867; Н. А. Аристов, *Англо-индийский «Кавказ». Столкновение Англии с авганскими пограничными племенами (Этно-исторический и политический этюд)*, СПб., 1900.

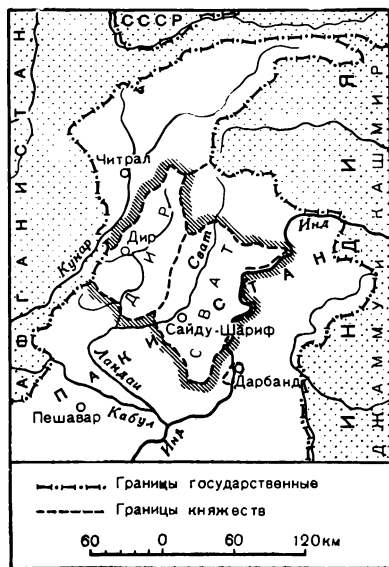
санных в литературе данных может оказаться полезной ввиду отмеченного выше отсутствия на русском языке посвященных этим областям специальных исследований. Вместе с тем автор счел возможным лишь в самых общих чертах коснуться вопроса о социально-экономических отношениях в Дире и Свате в XIX — начале XX в., поскольку этот вопрос сравнительно подробно освещен в нашей литературе в работах на более широкие темы².

Отрывочные сообщения об областях Дира и Свата встречаются в письменных источниках с глубокой древности. Совершая свой знаменитый поход в Индию (327—325 гг. до н. э.), через них проходил Александр Македонский. В I—III вв. н. э. области Дира и Свата находились в составе государства Великих Кушан, один из важнейших политических центров которого был расположен в соседней Пешаварской долине. От эпохи древности, в частности от периода Кушан, когда высокого для своего времени расцвета достигли города, ремесла и искусства, осталось множество археологических памятников, особенно в Свате. В этих областях бывали китайские путешественники-пилигримы, совершавшие странствия в Индию и оставившие описания виденного ими.

С XI в. Пешаварская долина, а затем и горные области Дира и Свата оказались затронутыми завоевательными походами мусульманских государств, начатыми Махмудом Газнийским (998—1030) с территории нынешнего Афганистана. С этими походами было связано распространение ислама среди местного населения. Однако в высокогорных районах Гиндукуша, в бассейне р. Кунара (в Афганистане) и в верховьях р. Пянджкоры до самого недавнего времени сохранялись древние языческие верования. Придерживавшиеся этих верований местные племена именовались их соседями-мусульманами «кафиры» и под таким названием вошли в западноевропейскую и русскую историко-этнографическую литературу.

С XI в. Пешаварская долина, а затем и горные области Дира и Свата оказались затронутыми завоевательными походами мусульманских государств, начатыми Махмудом Газнийским (998—1030) с территории нынешнего Афганистана. С этими походами было связано распространение ислама среди местного населения. Однако в высокогорных районах Гиндукуша, в бассейне р. Кунара (в Афганистане) и в верховьях р. Пянджкоры до самого недавнего времени сохранялись древние языческие верования. Придерживавшиеся этих верований местные племена именовались их соседями-мусульманами «кафиры» и под таким названием вошли в западноевропейскую и русскую историко-этнографическую литературу.

Современный этнический состав населения Дира и Свата сложился после завоевания в XVI в. этих областей афганскими племенами юсуфзаев. Как гласят предания самих юсуфзаев, их предки вначале жили на землях Кандагара, были оттуда вытеснены другими афганцами и передвинулись в пустынную северную часть нынешнего Белуджистана³. Затем юсуфзаи были вынуждены оставить и эти места и вместе с родственными и союзными племенами направились в район Кабула⁴. Временем их переселения в этот район афганский автор XIX в. Мухаммед

ДИР И СВАТ

² Данные о социально-экономических отношениях в Дире и Свате и некоторые сведения из их истории см. в кн.: И. М. Рейснер, *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*, М., 1954, стр. 45—47, 91—94, 119—122, 250—254, 388 и др.; Л. Р. Гордон, *Аграрные отношения в Северо-Западной пограничной провинции Индии (1914—1947 гг.)*, М., 1953, стр. 51, 67, 69, 131—132, 151, 175, 186, 195—197.

³ 'تذكرة الابرار و الاشرار' نفكرطرى، درويزه، LO ИВАН, Рукопись. С—1560, л. 726—736 (далее — Ахунд Дарвеза, *Тажикит аль-Абрар*).

⁴ Там же, л. 736—74а.

Хаят-хан считает примерно начало XIV в.⁵ В конце XV в. в результате конфликта с тимуридским правителем Кабула юсуфзай со своими союзниками были изгнаны из его владений, выступили на восток и проникли через Хайберский перевал в Пешаварскую долину⁶. Над Пешаварской долиной и рядом других смежных с Диром и Сватом областей тогда господствовали дилазаки, которые, по словам афганского богослова и историка XVI—XVII вв. Ахунда Дарвезы, «первыми из всех афганцев пришли в эти пределы»⁷. В ходе последовавшей борьбы дилазаки потерпели поражение и были вытеснены новыми пришельцами на левобережье Инда, откуда в начале XVII в. могольский падишах Джехангир переселил большую их часть в глубь Индии. В начале XX в. в соседнем с Пешаварской долиной районе Аттока насчитывалось всего лишь около тысячи дилазако⁸. Одержав победу над дилазаками, юсуфзай вторглись в Сват, которым владел султан Овейс из местной династии. После упорной борьбы, продолжавшейся 12 лет, юсуфзай овладели большей частью долины Свата и соседней с юга горной долиной Бунер, а также долиной Пянджкоры (территорией Дира). Султан Овейс перешел с оставшимися у него людьми за р. Инд.

Местное население Свата, Бунера и Пянджкоры, состоявшее из индийских племен и народностей (в основном гуджаров), было частью уничтожено, частью вытеснено со своих земель, а частью подчинено пришельцами. Оставшееся местное население долин, исповедовавшее, как и юсуфзай, ислам суннитского направления, было с течением времени в значительной степени ассимилировано завоевателями, восприняв к XIX в. их язык и многие обычаи. Гораздо устойчивее сохраняли этническую самостоятельность племена высокогорных районов — жители верховий Пянджкоры и Свата («Кохистан»). В занятых областях, кроме юсуфзаев, получили земли их союзники — другие афганские племена, принимавшие участие в завоеваниях, а также некоторые сравнительно немногочисленные афганские племена, переселившиеся туда впоследствии. В низовьях Свата после завоевания были поселены союзные юсуфзаем утман-хель, потомки которых там живут до настоящего времени.

Долины Свата, Пянджкоры, Бунера и все горы и ущелья от водораздела Пянджкоры и Кунара до Инда заняли четыре юсуфзайских племени: акозаи, исазай, мализай и ильясзай. По подсчету, произведенному в XVI в., акозаев и исазаев оказалось 6 тыс. человек, мализаев и ильясзаев также 6 тыс. человек⁹. По данным конца XIX в., акозаев (только в Свате, не считая ветви этого племени, населявшей Дир) насчитывалось около 200 тыс. человек, мализаев — около 30 тыс. и ильясзаев — около 25 тыс. человек¹⁰.

Территория и население княжеств Дир и Сват в 1953/54 г., по официальным данным, определялись следующими цифрами¹¹:

	Территория (тыс. кв. км)	Население (тыс. человек)
Дир	5,18	146,7
Сват	7,60	518,6

⁵ Muhammad Hayat Khan, *Afghanistan and its inhabitants, translated from the Hayat-i-Afghan of Muhammad Hayat Khan by Henry Priestley*, Lahore, 1874, p. 101.

⁶ Ахунд Дарвеза, *Тазкират аль-Абрар*, л. 756—766.

⁷ Там же, л. 766.

⁸ «Punjab district gazetteers», vol. XXIX A, pt. A, Lahore, 1909, p. 76.

⁹ Ахунд Дарвеза, *Тазкират аль-Абрар*, л. 89а.

¹⁰ По сведениям о численности воинов каждого из этих племен (умноженным на пять), взятым из английского военного справочника «A dictionary of the Pathan tribes on the North-West frontier of India. Compiled under the orders of the quarter-master general in India, in the Intelligence branch», Calcutta, 1899.

¹¹ «Pakistan 1953—1954», Karachi [S. a.].

К северу от Дира и Свата вздымаются горные массивы Гиндукуша, вершины которых достигают 6 тыс. м. Три гигантских хребта, отроги этих массивов, образуют как бы скелет рельефа всей горной страны, находящейся между Пешаваром и Читралом. Хребты эти в общем тянутся в направлении с севера на юг. Центральный хребет отделяет территорию Дира (т. е. долину р. Пянджкора) от долины Свата, а восточный хребет — долину Свата от Инда. Восточный хребет тянется по течению Инда, а от Махабанских гор, отделяющих Пешаварскую долину от Бунера, поворачивает на запад, к Малаканду, образуя Бунерские, или Иламские, горы и замыкая долину Свата с юга, а Бунера — с севера. Западный хребет, по которому частично проходит граница Пакистана с Афганистаном, имеет юго-западное направление и образует водораздел трех рек: Пянджкоры и Руда со стороны Пакистана, Кунара со стороны Афганистана. Из перевалов этого хребта большое значение имеет Лаораи, высота которого около 3120 м; через него проходит дорога из Пешавара в Читрал, считавшаяся английскими колониальными властями основным путем в последний. Движение через перевал Лаораи возможно с апреля до ноября¹².

Средняя высота каждого из трех главных хребтов — 2500—2700 м. Отдельные вершины в районах истоков рек Свата и Пянджкоры поднимаются больше чем на 5500 м. Значительно ниже отроги восточного хребта, протянувшиеся в широтном направлении (Бунерские, или Иламские, горы), высшая точка которых лежит на 3796 м над уровнем моря. Характер рельефа Дира и Свата обусловил значительную изоляцию населяющих их племен: связь с ними и между ними в прошлом осуществлялась только по пешеходным и вьючным тропам и была сильно затруднена в зимнее время года.

Реки Дира и Свата являются частью системы Инда. Две самые большие из них — Сват и Пянджкора, сливаясь вместе при выходе из гор на Пешаварскую равнину, впадают в р. Кабул, приток Инда. Река Баранду, протекающая по Бунерской долине, впадает в Инд непосредственно. Инд между областью Черных гор (на левом берегу) и хребтом, отделяющим его от долины Свата, — настоящая горная река с высокими, обрывистыми берегами и могучим, стремительно быстрым течением. Неподалеку от Торбелы он вырывается из глубокой скалистой расщелины и выносит свои воды на равнину, разделяясь на несколько протоков и образуя множество островов. Сват — многоводная горная река. Берега ее местами крутые, высокие и обрывистые, местами низменные; ширина ее достигает 130—150 м. Во время летних разливов она превращается в бурный, непреодолимый поток; уровень воды поднимается на несколько метров, и рисовые поля, расположенные в пойме реки, покрываются водой. По рекам Сват и Пянджкора производится сплав ценного гималайского кедра (*Cedrus deodara*), растущего в их верховьях.

В целом климат Дира и Свата умеренный, мягкий и влажный, значительно отличающийся от сравнительно сухого и знойного климата Пешавара. Однако горный рельеф определяет большое разнообразие климатических условий, часто даже в соседних долинах. На параллели поселения Дир средняя продолжительность зимы около трех месяцев.

По имеющимся в литературе данным, в долине Пянджкоры количество атмосферных осадков достаточно для ведения богарного земледелия. В долине р. Сват годовое количество осадков в большинстве случаев не обеспечивает богару, и искусственное орошение, как правило, необходимо. Но в некоторых местах, на притоках р. Сват, в боковых долинах,

¹² Н. С. Wylly, *From the Black Mountain to Waziristan*, London, 1912, p. 153.

возможно обходиться и без него¹³. Большая часть осадков на территории Дира и Свата выпадает в период муссона — с июля по сентябрь; остальное количество их приходится преимущественно на зиму — с декабря по май.

Густые леса покрывают горы, вздымающиеся над долинами Пянджкоры и Свата. Так же как и в соседнем Нуристане (провинции Афганистана) на высоте более 2500 м лиственные леса переходят в настоящую горную тайгу, где во множестве растут гималайские кедры, сосны и другие хвойные. В лиственных лесах встречаются дуб, грецкий орех, много дикорастущих плодовых деревьев.

Основным занятием населения Дира и Свата с давних пор является земледелие, к которому юсуфзайские племена перешли, по-видимому, вскоре после завоевания ими этих областей. Скотоводство, основанное на использовании горных пастбищ, играет главную роль в хозяйственной жизни только немногих, преимущественно высокогорных, районов. Одно из юсуфзайских родо-племенных подразделений — чагарзан — сохраняло скотоводство как основную отрасль хозяйства; в Сватском Кохистане развивалось коневодство, в Бунере — овцеводство.

По сообщениям авторов, побывавших в Свате, долина возделывается во многих местах во всю свою ширину. Землей там очень дорожат, и все пригодные участки обрабатываются. Описания путешественников, которым приходилось переваливать через горы, замыкающие долину Свата с юга, дают наглядное представление о степени возделанности ее и о роли реки в хозяйственной жизни. С этих гор открывается панорама всей долины, путь реки четко обозначается широкой зеленой лентой, которая, извиваясь, тянется до самых склонов гор Кохистана, где река берет свое начало. Для орошения используются воды Свата и множества мелких речек и ручьев — ее притоков. Первое место в нижней части долины Свата занимает возделывание риса, в верхней части и в боковых ущельях — пшеницы и ячменя. Кроме того, возделываются кукуруза, маш, хлопок, табак, бахчевые культуры. Издавна в Свате было развито и садоводство.

В бассейне р. Пянджкоры и в Бунере основными культурами до последнего времени оставались пшеница и ячмень, а возделывание риса, в зависимости от природных условий, занимало относительно меньшее место в хозяйстве, чем в долине Свата.

Во многих местах Дира и Свата, особенно в долине Свата, издавна развито пчеловодство. Имеются интересные описания традиционных способов пчеловодства, разведения пчел в сделанных из глины ульях и ухода за ними¹⁴.

В Дире и Свате уже в XIX в. отмечалась известная специализация ремесленного производства. Так, например, в Свате были деревни, в которых вырабатывались шерстяные шарфы, вывозившиеся на рынки Пешавара и в другие соседние области¹⁵. В Дире развивалась кустарная выплавка железа, которое вывозилось. Определенные деревни занимались как промыслом мыловарением, причем мыло также являлось предметом вывоза.

К началу XX в. значительно увеличилась торговля промышленными товарами, главным образом английскими, с Диром, Сватом и Читралом

¹³ W. R. Hay, *The Yusufzai State of Swat* («The geographical journal», London, 1934, vol. LXXXIV, № 3), p. 242.

¹⁴ H. G. Raverty, *An account of Upper and Lower Suwat, and the Kohistan, to the source of the Suwat river; with an account of the tribes inhabiting those valleys* («Journal of the Asiatic society of Bengal», Calcutta, 1862, vol. XXXI, № 3), p. 250.

¹⁵ *Ibid.*, p. 251.

из Пешавара и через Пешавар. Из Свата и Дира вывозились преимущественно рис, топленое масло и другие сельскохозяйственные продукты, а ввозились, кроме промышленных товаров, ремесленные изделия и соль. С одной стороны, есть основания полагать, что усилившийся ввоз дешевых фабричных товаров в Дир и Сват подорвал в них некоторые отрасли ремесла, вызывая разорение ремесленников. С другой стороны, рост колониальной торговли, а также строительство дорог и других сооружений военного значения английскими империалистами стимулировали создание в Дире и Свате мелких предприятий по обработке сельскохозяйственного сырья и заготовке строительных материалов. В 30—40-х годах текущего столетия в Дире и Свате имелись такого рода предприятия, в частности мастерские по обработке древесины, хлопка, шерсти и т. д.¹⁶

В эти же годы английские колониальные власти проводили строительство дорог, мостов, линий связи на территории княжеств Дир и Сват, находившихся в вассальной зависимости. В 1939 г. была превращена в шоссе часть дороги, ведущей через Дир на Читрал; в Тимул-Гара сооружена база горючего. Английский форт Чакдарра был соединен телефонной линией с городком Дир, резиденцией правителя одноименного княжества. В последние годы перед второй мировой войной было проложено шоссе из Малаканда в Сайду-Шариф, резиденцию правителя Свата, которую на его средства также соединили непосредственно с Пешаварской долиной автомобильной дорогой, проходящей через Умбельский перевал¹⁷. По-видимому, уже в годы второй мировой войны английские власти соорудили на р. Сват в районе Малаканда гидроэлектростанцию проектной мощностью 20 тыс. квт¹⁸.

Лесной промысел уже в XIX в. имел большое значение в жизни населения Дира и Свата, а также соседних районов верховий Кунара в Афганистане. В 70-х годах прошлого века довольно крупные партии древесины, доставленные сплавом из этих областей, продавались на пешаварском рынке, а к концу века произошло резкое увеличение спроса на лес, вызванное железнодорожным строительством в Северо-Западной Индии. Барыши, которые стала приносить торговля лесом, побудили афганского эмира Абдурахмана (1880—1901) взять сплав древесины по рекам Кунар и Кабул в руки государства и отказать осенью 1896 г. пешаварским лесопромышленникам, предлагавшим заплатить эмиру 140 тыс. рупий кабули¹⁹ за разрешение четыре года заниматься этим выгодным делом. Пошлины, которыми облагался экспорт леса из Афганистана, еще более стимулировали увеличение сплава древесины из Дира и Свата. На вывозе леса из этих областей сильно наживались местные феодалы, светские и духовные, с которыми пешаварские купцы были вынуждены делиться барышами. В конце XIX в. разрешение на порубку и сплав гималайского кедра от хана Дира получил миян (лицо из привилегированного духовного сословия) Рахим-шах, наживший огромное по местным масштабам состояние. Он ссужал деньгами членов ханской династии и приобрел значительное влияние на политику правителя Дира²⁰.

¹⁶ Л. Р. Гордон, *Аграрные отношения в Северо-Западной пограничной провинции Индии*, стр. 151.

¹⁷ «The Indian year-book 1945—1946», p. 202.

¹⁸ P. J. Thomas, *India's basic industries*, Calcutta, 1948, p. 145.

¹⁹ فیض محمد کاتب بن سعید محمد مفلو، سراج التواریک جلد سوم، کابل ۱۲۳۹
صو ۱۲۳۹ (далее — Файз Мухаммед, *Сирадж ат-Таварих*).

²⁰ W. Barton, *India's North-West frontier*, London, 1939, p. 31—32.

Древесина гималайского кедра отличается исключительными качествами: она не подвергается порче вредителями-термитами. При сооружении железных дорог англичане строили из этого ценного дерева не только мосты и жилые помещения. По утверждению Райта, чиновника по охране лесов Северо-Западной пограничной провинции, на тысячах километров дорог Пенджаба, Синда и Северо-Западной пограничной провинции были уложены шпалы из древесины деодарского (гималайского) кедра²¹. Использование столь ценного материала на шпалы и истребление лесов для этой цели является одним из примеров хищнического расходования природных богатств английскими колонизаторами в Индии²². Несмотря на большой ущерб, нанесенный лесам верховий Свата и Пянджкору, ресурсы одного только княжества Дир оставались весьма значительными. По оценке, сделанной в Пакистане несколько лет тому назад, княжество Дир легко поставлять 2 тыс. стволов ежегодно²³. Пакистанские власти подготавливали отpravку экспертов для научного обследования лесных ресурсов Дира и проведение мероприятий по надлежащей охране лесов²⁴.

В пакистанской периодической печати отмечалось наличие в Дире медной руды, гипса, слюды, серы, а в Свате — доломитовой слюды и глины высокого качества.

* * *

Завоеванные в XVI в. юсуфзаями земли Свата, Пянджкору и Бунера были поделены между входившими в их состав родо-племенными подразделениями. Ахунд Дарвеза так рассказывает о распределении земель, произведенном шейхом Мали: «Когда юсуфзайский улус овладел страной Сват, малик шейх Мали почел за благо произвести подсчет всего [населения] улуса — маленьких и больших, мужского пола и женского, чтобы на основании этого разделить Сват. Людей акозаев и исазаев оказалось шесть тысяч, людей мализаев и ильязаев также шесть тысяч. [Всего] юсуфзаев оказалось двенадцать тысяч.

Включив в подсчет людей нанграхари и ламгани и кабули, которые были с ними [т. е. пришли с юсуфзаями. — В. Р.], а людей этих пределов [т. е. коренное завоеванное население. — В. Р.] в подсчет не включая, [шейх Мали] таким образом произвел раздел [Свата]. До сего дня этот раздел шейха Мали остается без всяких изменений...»²⁵. По-видимому, раздел земель Свата, так же как и других завоеванных юсуфзаями областей, был произведен с целью обеспечить равные наделы всем вошедшим в подсчет членам племени. Такое толкование приведенного текста сообщения Ахунда Дарвезы подтверждается сведениями о прошлом, собранными английскими чиновниками в XIX в.²⁶ Косвенно его подтверждают и сравнительные данные о переделах земли у другого афганского племени — марватов, у которых еще в XIX в. они производились с подсчетом всего населения.

Обычай периодических переделов земли (который на языке пушту называется «веш») был еще в XIX в. распространен у многих афганских

²¹ H. L. Wright, *The deodar forests of the Northern India* («The Asiatic review», London, 1937, vol. XXXIII, № 114), p. 319—327.

²² Тот факт, что англичане непроизводительно, хищнически истребляли лесные богатства, признает и чиновник Райт в упомянутой статье.

²³ «Pakistan 1953—1954», Karachi [S. a.], p. 163.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ахунд Дарвеза, *Тазкират аль-Абрар*, л. 89а.

²⁶ См., напр.: H. R. Hastings, *Settlement report of the Peshawar district of the Punjab*, Lahore, 1878.

племен правобережья Инда, а у некоторых из них бытовал до самого недавнего времени²⁷. У юсуфзаев к середине XIX в. веш претерпел существенные видоизменения и свелся к обмену наделов по жребью без уравнительных пересчетов населения, так что каждое родо-племенное подразделение и каждый глава семьи получали такую же долю пахотной земли из фонда племени (рода), какую они имели до этого, только надел располагался в другом месте. В таком виде обычай закреплял сложившееся неравенство в размерах наделов на душу, продолжая, однако, обеспечивать очередность в пользовании землями различного качества не только для отдельных семей, но и для родо-племенных объединений, вплоть до самых крупных. Племя менялось с племенем, каждая его ветвь с другой ветвью, род с родом и, наконец, семья с семьей. При проведении веша менялись своим местожительством не только люди одной деревни с людьми другой, но и население целых районов, включавших десятки деревень. Сотни и тысячи, а в некоторых случаях и десятки тысяч людей снимались с места, чтобы со своим имуществом перейти на выпавшие им по жребью территории, где им предстояло прожить до следующего очередного обмена. При этом обмену между семьями подлежали не только участки пахотной земли, но и усадьбы с жилищами. В Свате такой передел с переселениями проводился через каждые десять лет. Из краткого отчета о сватском веше 1873 г., опубликованного в приложении к «Punjab Government Gazette» от 27 марта 1873 г., видно, что в нем принимали участие юсуфзайские племена, насчитывавшие по несколько десятков тысяч человек. До тех пор пока периодические переделы проводились в таком масштабе, переход родовой общины в соседскую был невозможен, так как роды, занимавшие часть деревни («канди»), переселяясь с каждым очередным вешем, меняли своих соседей, приобретая каждый раз новых²⁸.

В своем первоначальном виде, сохранившемся к середине XIX в. только у марватов и нескольких других мелких афганских племен правобережья Инда, обычай веш преследовал также цель обеспечить равенство наделов всем членам племени — мужчинам и женщинам, взрослым и детям: для этого каждому обмену предшествовал пересчет численности всех людей в племени и обмер полей с целью определения величины причитающегося каждому равного надела пахотной земли.

Заинтересовавшиеся обычаями юсуфзаев Свата русские этнографы XIX в. (видимо, находясь под влиянием народнической идеализации общины) неправильно характеризовали их общественный строй как «аграрный коммунизм»²⁹. Однако при всей архаичности родовой общины того времени с переделами земли, усадебных участков и жилищ, у юсуфзаев коллективная собственность на землю, как и у других афганских племен, сохранявших обычай веш, комбинировалась с индивидуальным использованием земель и присвоением ее продуктов отдельными семьями, что коренным образом отличало афганскую общину от первобытной, в которой работа велась сообща.

Рассматривая типы общин, К. Маркс упоминал и об афганцах, указывая, что: «„Сельская община“ встречается также в Азии, у афганцев

²⁷ Наиболее полная в нашей литературе, хотя и не исчерпывающая, сводка сведений об этом обычае имеется в кн.: И. М. Рейснер, *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*, стр. 104—129.

²⁸ Это обстоятельство недостаточно принято во внимание в работе И. М. Рейснера *Развитие феодализма и образование государства у афганцев* при анализе конкретного материала об общине у юсуфзаев и марватов, хотя правильный вывод общего характера сделан автором в прим. 2 к стр. 132 этой книги.

²⁹ См.: «Страна юсуфзаев» («Географические известия», 1873, № 6), стр. 18.

и др., но она повсюду представляет собою *самый новый тип* общины и, так сказать, последнее слово *архаической общественной формации*³⁰. Вместе с тем, касаясь общин, в которых сохранялся обмен жилищами, К. Маркс указывал на их переходный характер: «Конечно, встречаются земледельческие общины, в которых дома, хотя и перестали служить коллективным жилищем, периодически меняют владельцев. Индивидуальное пользование комбинируется, таким образом, с общей собственностью. Но такие общины носят еще печать своего происхождения: они находятся в состоянии переходном от общины более архаической к земледельческой общине в собственном смысле»³¹.

К началу XIX в. численность жителей юсуфзайских областей достигала нескольких сот тысяч человек, причем значительную часть их составляло зависимое население («факиры», или «хамсая») неафганского происхождения. Среди зависимого населения, в состав которого входили потомки коренных жителей завоеванной страны, было немало ремесленников, но основную массу его составляли безземельные крестьяне. Вся земля находилась в коллективной собственности юсуфзайских родо-племенных подразделений.

Факиры получали землю у юсуфзаев на условиях уплаты доли урожая и были обязаны выполнять на хозяев различные работы, а кроме того, вносить налоги маликам и ханам. Некоторые факиры и зависимые афганские племена получали для поселения землю на условиях несения военной службы; они находились в сравнительно привилегированном положении и налогов не платили.

В отношении зависимого податного населения юсуфзайские ханы пользовались большой властью, располагая силой принуждения, обеспеченной не только своими дружинами, но и поддержкой родо-племенных подразделений юсуфзаев. Ханы взимали с факиров налоги и поборы, сгоняли их на строительные и другие работы, принуждали к выполнению повинностей. Управляя зависимым населением и владея рабами (а также за счет военной добычи), ханы сосредоточили в своих руках значительные богатства. Однако ханская власть у юсуфзаев не приобрела еще окончательно наследственного характера. За юсуфзайскими вождями не признавалось право распоряжаться жизнью и свободой своих соплеменников. Никаких налогов своим ханам и маликам сами юсуфзаи не платили. Характеризуя отношения юсуфзайских ханов и маликов с их соплеменниками, Эльфинстон, побывавший в Пешаварской области в 1809 г., утверждал: «Ни у кого из этих вождей нет власти, равной той, какой располагает в Англии полицейский»³².

До XIX в. наделы большинства юсуфзайских ханов и маликов подлежали периодическому обмену по жребию на равных основаниях с наделами всех других членов племени.

У юсуфзаев, как и у многих других горных афганских племен, окончательное оформление феодальных отношений относится к значительно более позднему времени, чем у соседних народов. В связи с этим и юсуфзайские феодальные княжества Дир и Сват возникли совсем недавно. Характерно, что династии правителей обоих этих княжеств ведут свое происхождение от духовных лиц. Мусульманское духовенство, влия-

³⁰ К. Маркс, *Черновые наброски письма к В. Засулич (8 марта 1881 г.). Третий набросок* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Собрание сочинений, т. XXVII, изд. 1), стр. 694. — Выделено К. Марксом. — В. Р.

³¹ Там же.

³² M. Elphinstone, *An account of the kingdom of Caubul and its dependencies in Persia, Tartary and India; comprising a view of the Afghaun nation, and a history of the Dooraunee monarchy*, London, 1815, p. 338.

тельной частью которого были наследственные группы (корпорации) «святых» людей — сеидов, миянов и т. д., — пользовалось личной неприкосновенностью (на духовных лиц не распространялось действие обычая кровной мести) и рядом других привилегий.

* * *

Княжество Дир образовалось в конце XVIII в. Основателем его был Касим-хан из привилегированного рода пайинда-хель. Предками Касим-хана были «святые» лица — ахунды. Касим-хан приобрел много земли путем покупки и захвата у своих родственников. На свои доходы он содержал постоянное войско. Разбогатеv и усилившись, пользуясь религиозным авторитетом как потомок «святых» людей, Касим-хан, опираясь на свое войско, совершил насильственный переворот и узурпировал власть³³.

Став правителем всей долины р. Пянджоры, Касим-хан объявил всех факиров принадлежащими ему и обложил их налогом в свою пользу. Он принял суровые меры против кровной мести и распрей между родами и племенами. Многих непокорных он изгнал, а земли их захватил, присвоил себе право наказания и стал сажать своих соплеменников в тюрьму, применять телесные наказания и даже приговаривать к смерти. Касим-хан старался уничтожить внутренние раздоры, организовал полицию, завязал сношения с соседними ханами и поддерживал их в стремлении усилить власть в своих улусах. Он подчинил много деревень соседних факиров, обложив их данью.

У первого правителя княжества Дир было три сына: Азад-хан, Газан-хан и Саадулла-хан. В годы правления шаха Махмуда в Афганистане (начало XIX в.) Азад-хан убил своего отца³⁴. В свою очередь отцеубийца был умерщвлен Саадулла-ханом, но престолом завладел другой его брат — Газан-хан. Последний при этом опирался на помощь шаха Катора, правителя соседнего Читрала. В дальнейшем Газан-хан постоянно сохранял дружественные отношения с читральскими мехтарами. Генеалогия этого дирского князя была такова: Газан-хан, сын Касим-хана, сына Гулям-хана; Гулям-хан был сыном (или внуком) ахунда Ильяса, жившего во времена Ауренгзеба, могольского падишаха Индии (1656—1707).

Газан-хан правил около 50 лет. После его смерти к власти пришел в 60-х годах XIX в. один из его сыновей — Рахматулла-хан, пользовавшийся поддержкой махараджи Кашмира. Лично обязанный махарадже, новый правитель Дира поддерживал довольно тесные связи с двором Сринагара до 1875 г.³⁵ Рассчитывая использовать эти связи, англо-индийские власти попытались установить косвенным путем свой контроль над княжеством Дир и побуждали Рахматулла-хана признать себя васалом махараджи Кашмира. Однако эта попытка окончилась неудачей. В 1884 г. Рахматулла-хан умер. Князем Дира стал его сын Мухаммед Шериф-хан (род. в 1848 г.). Этот правитель вступил в борьбу с Аман-уль-Мульком, мехтаром Читрала, но был разбит читральцами. В 1890 г.

³³ Ibid., p. 343.

³⁴ Rajah Khan of Cabool, *Account of the Panjkora valley and of Lower and Upper Kashkar* («Journal of the Asiatic society of Bengal», vol. XIV, 1845), p. 814.

³⁵ См.: «A collection of treaties, engagements and sanads relations to India and neighbouring countries compiled by C. U. Aitchison. Vol. XI containing the treaties & c., relating to the North-West Frontier Province Baluchistan, Jammu and Kashmir, Eastern Turkistan and Afghanistan, revised and continued to the 1st June 1906 by the authority of the Foreign department», Calcutta, 1909, p. 70—72.

Диром овладел Умра-хан, феодальный владетель соседнего Баджаура, и дирский хан вынужден был бежать в Сват. Умра-хан вначале ориентировался на Англию, поощрявшую его захваты, но затем стал склоняться на сторону афганского эмира Абдуррахмана. В 1895 г. Умра-хан выступил в вооруженный конфликт с англичанами, направившими для завоевания Читрала войска через территорию Дира³⁶. Заинтересованные в овладении путем из Пешавара в Читрал, англо-индийские колониальные власти в 1895 г. снова посадили на дирский трон Мухаммеда Шериф-хана, заключив с ним соглашение, которым предусматривалось, что хан Дира будет «держаться открытым» для англичан этот путь, ремонтировать его и охранять своими сторожевыми отрядами. За это англо-индийское правительство установило хану Дира ежегодную субсидию 10 тыс. рупий, предоставило ему 400 винтовок и обещало, «если будет необходимо», оплатить стоимость содержания сторожевых отрядов. Оно обещало также не вмешиваться в управление страной. Взвзав субсидий хан Дира от своего имени и от имени своих преемников освободил торговлю по дороге на Читрал от всех пошлин и обложений. Он признал также право англо-индийских властей посылать войска на важнейшие перевалы³⁷. Таким образом, в конце XIX в. Дир стал одним из многочисленных вассальных княжеств англо-индийской колониальной империи.

Во время восстания в Свате в 1897 г. хан Дира не только удерживал подвластные ему племена от совместной борьбы на стороне других афганцев против английских завоевателей, но сражался вместе с англичанами против своих соплеменников. Непосредственным поводом к восстанию племен Свата в 1897 г. явилась агрессия Мухаммеда Шериф-хана, поддержанная англичанами. В ноябре—декабре 1898 г. отряды хана Дира отбивали атаки повстанцев на английскую военную дорогу из Пешавара в Читрал. После подавления восстания Мухаммед Шериф-хан проводил карательную политику в отношении своих подданных, выступавших на стороне повстанцев против англичан.

В награду за услуги англо-индийское правительство в июне 1897 г. присвоило Мухаммеду Шериф-хану титул наваба, а в 1899 г. повысило ему субсидию до 15 тыс. рупий в год. В начале XX в. дирский хан неоднократно посещал Индию в качестве гостя английских колониальных правителей. В 1903 г. он участвовал (наряду с сотнями других крупных и мелких вассальных князей Индии) на дурбаре, состоявшемся в Дели по случаю коронации. Приглашая своего вассала хана Дира на дурбары и увеличивая ему субсидии, англичане, однако, не допускали повторения его попыток распространять власть на племена Свата. Конечно, дело заключалось не столько в опасениях, что значительно усилится хан Дира: это был мелкий князек, не очень-то прочно сидевший на троне; хозяев он покорно слушался. Англичане, по-видимому, гораздо больше опасались повторения событий 1897 г. — дружного выступления горцев, направленного и против феодального захватчика и против его империалистических господ.

Княжество Дир в XIX — начале XX в. представляло феодальное государство, в котором высший слой господствующего класса составляли знать племен и наиболее крупные и почитаемые духовные лица, опирающиеся на сословные корпорации «святых людей». В рамках этого государства наряду с деспотической властью хана сохранялось и самоуправление племен и их подразделений. Строй этого государства не-

³⁶ Об Умра-хане и связанных с ним событиях в северной части пограничной между Афганистаном и Индией полосы племен см.: Файз Мухаммед, *Сирадж ат-Таварих*, стр. 817, 823—825, 841, 849, 1021—1022.

³⁷ «A collection of treaties...», p. 72.

сколько походил на Афганистан до преобразований Абдуррахмана или даже скорее на Афганистан времен Садозайской династии, сохранявший еще отпечаток племенного строя.

Непосредственно под деспотическим управлением князей Дира находилась сравнительно небольшая территория. Кроме того, им были подчинены на основах вассальной зависимости несколько незначительных по размеру феодальных держаний ханов, а все, что оставалось вне этого, были племена, управлявшиеся по-старому своими советами старейшин — джиргами. Есть сведения, что во время правления Газан-хана эти племена платили ему налог в размере $\frac{1}{5}$ части урожая. Для сбора налогов в селениях были поставлены от Газан-хана старшины. Эти же старшины принимали участие в делах суда и расправы, которыми ведала джирга. В случае надобности племена были обязаны посылать в распоряжение правителя свои ополчения («ляшкары»).

В населенном пункте Дир — местопребывании хана — находился постоянный гарнизон на жалованье. Воины хана назывались «тайяр-хур» (букв. «тот, кто ест готовое»). В первой половине XIX в. такое постоянное войско состояло из 400 пехотинцев и 50 всадников. Всего же дирское княжество могло, как тогда считали, выставить до 20 тыс. воинов. Прочность власти дирских ханов во многом зависела от поддержки их родом пайинда-хель, к которому они принадлежали по происхождению.

Дирский хан Мухаммед Шериф умер в 1904 г.; ему наследовал его старший сын Ауренгзеб, известный под именем Бадша-хана (1904—1925). Вступление на престол этого вассала было санкционировано англо-индийскими властями. По соглашению, подписанному 13 апреля 1905 г., Бадша-хан подтвердил основные пункты предшествующего соглашения 1895 г. Он признал установленные англичанами границы княжества Дира с Читралом и с Афганистаном, обязался воздерживаться от всякого вмешательства в дела этих соседних стран, а в случаях споров с населением, проживающим на их территориях, «следовать советам» (т. е. поступать согласно приказам) англо-индийского правительства. Особым пунктом соглашения (пункт IX) предусматривалось право английских властей регулировать количество леса, сплавляемого из Дира, и инспектировать его лесные богатства. Англо-индийские власти признали Бадша-хана правителем княжества и назначили ему субсидию 26 тыс. рупий ежегодно, из которых 10 тыс. было определено за отказ от права взимания пошлин с товаров, провозимых по дороге от Чакдарра до Ашрета³⁸.

В начале XX в. ежегодный доход казны дирских ханов определялся в 165 тыс. рупий (включая английскую субсидию). Кроме того, дирские ханы, как уже отмечалось выше, получали значительную сумму от продажи леса; размер ее исчислялся в 70 тыс. рупий в год. Бадша-хан увеличил свое войско и пытался распространить свою власть на племена Свата. Однако успехи его были невелики. Временно подчиненные племена правобережья Свата в 1915 г. восстали против его гнета. Это восстание было поддержано всеми племенами Свата. В ходе развернувшейся затем длительной борьбы против Бадша-хана власть над племенами Свата попала в руки Абдул-Вадуда, крупного феодала из духовных лиц, внука местного «святого» Абдул-Гафура. Возникло княжество Сват.

* * *

В Свате в XIX в. не установилось сколько-нибудь прочной феодальной власти местных ханов над всей долиной. «Правители Свата», о которых иногда упоминали в официальных донесениях плохо разбиравшиеся в обстановке английские чиновники и офицеры, громко величая

³⁸ Ibid., p. 182—183.

их «главами» Свата, «королями» и т. п., представляли собой вождей, выдвинувшихся на некоторое время благодаря случайному стечению обстоятельств. Власть этих вождей носила эфемерный и эпизодический характер, хотя они и назывались в Свате «падишахами». Они обычно руководили ополчениями племен в совместных военных действиях, теряя власть после окончания этих действий. Сеид-Акбар, руководитель борющихся против английского колониального ига индийских ваххабитов, укрывавшихся в юсуфзайских горах, был признан «падишахом» благодаря поддержке «святого» Абдул-Гафура. Сеид-Акбар оставался «падишахом» Свата около семи лет (с 1850 по 1857). В дальнейшем, вплоть до установления власти Абдул-Вадула, ни один «падишах» Свата не находился у власти столь долгое время. По-видимому, Сеид-Акбар пытался укрепить свою власть, превышая обычные prerogatives военачальника. Его сын Мубарак-Али наследовал ему, но удержался на положении светского главы Свата только две недели. Племена Свата, недовольные в свое время его отцом, восстали, и Мубарак-Али был изгнан.

Значительно большей властью пользовались среди племен Свата духовные феодалы. В конце XIX в. многочисленное духовенство афганских земель северной части пограничной полосы делилось на несколько категорий. Одну из них составляли служители культа — муллы и имамы; они получали наделы из земель племени, среди которого проживали, и добровольные подношения. Всевозможные «святые люди», составлявшие наследственные корпорации, были гораздо более влиятельными. На самом верху лестницы сообществ и потомственных привилегированных родов «святых людей» стояли сеиды, затем шли мяяны и др.

Все эти «святые люди» получали земли в дар («серый») от племен. Размер земельных пожалований варьировал, как правило, в зависимости от степени «святости» категории, к которой принадлежало данное духовное лицо. Самым крупным представителем духовных феодалов Свата в XIX в. был Абдул-Гафур, известный под именем «Ахунд Свата». Он родился около 1794 г. и происходил, по данным английского автора прошлого века, из гуджарских мяянов³⁹. В детстве он был пастухом, затем избрал себе духовную деятельность, учился богословию, прожил долгое время отшельником на одном из островов Инда. Завоевав авторитет и славу «святого», он поселился в Бунере, а затем перебрался в Сват, где избрал себе постоянным местом жительства деревню Сайду-Шариф (впоследствии резиденция его потомков — князей Свата). Здесь он женился на афганке из некпи-хель, подразделения юсуфзайского племени акозаев. В деревне Сайду-Шариф вокруг «святого» собирались толпы учеников-мюридов. Абдул-Гафур пользовался авторитетом не только во всей долине Свата, но и среди всех афганских племен; о нем знали и в Иране. Он давал предписания и постановления религиозного характера, касающиеся выполнения обрядов и т. п., но нередко вмешивался и в мирские дела — политические и торговые, хотя и не всегда в этих случаях племена ему повиновались. Есть сведения о том, что он боролся с кровной мстью, вмешивался в феодальные распри, стараясь примирить стороны и т. п.

Во время народного восстания 1857—1859 гг., которое потрясло колониальное владычество англичан в Индии, Абдул-Гафур настоял на отказе юсуфзайских племен предоставить убежище восставшим индийским сипаям из 55-го туземного полка.

³⁹ По позднейшей версии Абдул-Гафур происходил из кандагарских сафи, связываемых генеалогически с афганскими племенами (см.: عبد الرؤف بينوا پستونستان،

Единственный раз, когда Абдул-Гафур выступил против англичан — во время Умбельской кампании 1863 г., вызванной их походом в юсуфзайские горы; он был вынужден сделать это, так как боялся в противном случае потерять свое влияние среди племен.

Как только военные действия закончились, ахунд вернулся к прежней своей политике нейтралитета в отношении англичан и никогда больше до самой своей смерти (1877 г.) не вмешивался в вооруженную борьбу, которую афганские пограничные племена продолжали вести против британских завоевателей.

После смерти Абдул-Гафура остались два его сына, известные под почетным религиозным прозвищем миян-гулей. Один из них, Абдул-Манан, сразу же после смерти отца был вовлечен в борьбу с ханом Дира за преобладающую роль в делах Свата. В 1883 г. он утвердил свою власть в Свате; как правитель он был известен под именем Миян-Гуля. В борьбе за преобладание ему помогли имя и религиозный авторитет отца, а также реальная военная помощь, которую он получил от хана Баджаура. Каков был характер его власти и насколько она была прочна, неясно. В 1887 г. он умер. Младший сын ахунда Абдул-Халик не притязал на светскую власть, он пользовался известным религиозным авторитетом, но далеко не в той степени, как его отец.

В 1915 г., когда началась борьба племен правобережья Свата против ига дирского хана, во главе ополчений сватских юсуфзаев стоял Абдул Джабар-шах. Сыновья Абдул-Халика, Абдул-Вадуд и Абдул-Манан (по прозвищу Ширин) переметнулись сперва на сторону дирского хана и были изгнаны повстанцами из своего наследственного местопребывания (деревня Сайду-Шариф). Видимо, в ту пору Абдул-Вадуду не было еще ясно соотношение сил. Впоследствии братьям удалось возвратиться в Сайду-Шариф, Абдул Джабар-шах проявил себя неудачливым полководцем и в 1917 г. был выпровожен жителями Свата из своей страны под конвоем; во главе ополчений Свата оказались Абдул-Вадуд и Ширин. В 1918 г. Ширин был убит в сражении с войсками хана Дира, и Абдул-Вадуд остался единоличным «падишахом», т. е. военным руководителем ополчений племен Свата. В ходе вооруженной борьбы Абдул-Вадуду удалось создать постоянное войско и ядро лично преданных ему начальников отрядов. Попытки Бадша-хана восстановить утраченную власть над племенами правобережья Свата закончились полным поражением дирских войск в долине Харнавай в 1919 г., после чего Абдул-Вадуд оккупировал часть территории Дира. Вооруженная борьба между феодальными правителями Дира и Свата продолжалась в течение 1919—1922 гг.

Таким образом, в опасные для владычества английских империалистов годы подъема национально-освободительной борьбы народов Востока, обусловленного могучим влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, на северном участке пограничной полосы Индии шла междоусобная война, в которую была вовлечена большая часть горных юсуфзайских племен. Эту войну английские империалисты считали во всех отношениях очень выгодной для себя. Она отвлекала юсуфзайские племена от участия в национально-освободительной вооруженной борьбе других афганцев против колонизаторов.

Возможность восстания по всей границе в те годы расценивалась англо-индийскими чиновниками как серьезная угроза их господству в Индии, где в результате подъема национально-освободительного и массового демократического движения создавалась революционная ситуация. Одним из важнейших очагов революционного подъема в Индии был Пенджаб, расположенный по соседству с пограничной полосой.

Только в 1922 г. англо-индийские власти решили прекратить затянувшуюся борьбу между феодалами Ди́ра и Свата. По их приказу Абдул-Вадуд и Бадша-хан взаимно обязались не вмешиваться более в дела друг друга.

К 1922 г. Абдул-Вадуд полностью установил свою власть над всеми племенами Свата. Многие ханы были уничтожены или изгнаны; оставлены были только те, которые проявили себя верными сторонниками Абдул-Вадуда в ходе его борьбы за власть.

Британским колонизаторам образование феодального княжества в Свате на месте прежней вольницы племен было выгодно. В лице Абдул-Вадуда они приобрели нового вассала на одном из важных стратегических форпостов северо-западной границы Индии. Они оказывали ему поддержку и побуждали его к захватам территорий соседних со Сватом племен, сохранявших еще независимость. При этом англичане несколько ограничивали захватнические устремления сватского князя, чтобы он не слишком усилился и не мог угрожать племенам левобережья Инда, среди которых англо-индийским чиновникам уже удалось укрепить свое влияние.

В 1922 г. Абдул-Вадуд начал завоевательные походы в районы верховьев р. Сват, в сватский Кохистан. Его войска заняли часть Кохистана до Пешмаля и подошли к деревне Калам, расположенной в долине, славящейся ценными лесами. Из-за этой долины разгорелся спор между феодальными правителями Свата и Читрала. Вмешательство англо-индийских властей предотвратило вооруженное столкновение. По их указанию местность Калам была признана «ничьей землей»: наваб Ди́ра, мехтар Читрала и правитель Свата взаимно обязались не предъявлять притязаний на эту долину, лежащую там, где сходятся границы трех княжеств.

В конце 1922 г. угроза еще неокрепшей власти Абдул-Вадуда создавалась со стороны племен Бунера, ополчения которых готовились к совместному выступлению против сватского князя. Во главе этих ополчений стоял Абдул Джабар-шах, давний соперник Абдул-Вадуда.

Однако правитель Свата удалось склонить на свою сторону часть племен Бунера. Подготовив почву, он в апреле 1923 г. направил в Бунер значительное по местным масштабам войско во главе со своим визирем. Бунер и Чамла были оккупированы без единого выстрела и присоединены к владениям сватского князя⁴⁰. Одновременно с присоединением Бунера и небольшой долины Чамла Абдул-Вадуд направил свои войска на покорение юсуфзайских племен горных областей, расположенных между реками Индом и Сватом, и овладел их землями. Реку Инд ему было запрещено переступить.

Таким образом, англо-индийские власти помешали дальнейшему распространению власти Абдул-Вадуда на племена «Черных гор» левобережья Инда. В 1925 и 1926 гг. продолжались завоевательные походы сватского князя в горные области (Кохистан), расположенные между Сватом и Кашмиром.

В 1923—1926 гг. окончательно установились границы княжества Сват, включавшего, кроме бассейна одноименной реки, часть Кохистана, области между реками Индом и Сватом, Бунер, Чамлу и некоторые другие горные районы. 3 мая 1926 г. между англо-индийским правительством и Абдул-Вадудом был заключен договор «о взаимной дружбе».

По этому договору Абдул-Вадуд принял обязательства: 1) о службе англичанам, о поддержке их и о лояльности по отношению к ним;

⁴⁰ W. R. Hay, *The Yusufzai state of Swat*, p. 240.

2) о предотвращении нападений своих подданных на англо-индийские территории, 3) о запрещении «разбойникам» укрываться в подвластных ему землях, 4) о недопущении использования территории Свата как базы для антибританской пропаганды и 5) о невмешательстве в дела соседних юсуфзайских племен, княжества Дира, а также территорий Кохистана, служивших яблоком раздора между правителями Свата, Дира и Читрала. Абдул-Вадуд обещал заключить с англичанами соглашение об использовании лесных богатств подвластных ему земель (пункт 6 договора).

Взамен этого англичане признали за Абдул-Вадудом титул «вали» (правителя), назначили ему субсидию 10 тыс. рупий ежегодно и обещали свою поддержку с оговоркой, что эта поддержка не будет заключаться в военной помощи войсками (пункты 7 и 8 договора) ⁴¹.

Договор о «взаимной дружбе», заключенный англичанами с князем Свата, представляет собой типичный пример неравноправных соглашений, устанавливавшихся британскими колонизаторами с правителями феодальных княжеств Индии.

В 1933 г. англо-индийские власти официально признали Абдул-Хакка (известного под прозвищем Джеханзеб), старшего сына сватского князя, наследником престола, санкционировав таким образом «законность» династии Абдул-Вадуда.

Приход Абдул-Вадуда к власти был связан с борьбой против родоплеменных порядков самоуправления и сопровождался истреблением многих прежних ханов. До того как вали Свата укрепил свою власть, каждый член племени имел оружие и был обязан своему хану или племени выступать с оружием в руках в случае надобности. По-видимому, у зависимых земледельцев-факиров, как и в XIX в., также сохранялось оружие.

Когда Абдул-Вадуд почувствовал себя достаточно сильным, он отнял оружие у всех своих подданных, за исключением одного-двух пограничных пунктов, где имелась опасность извне.

Лучшая часть отнятого оружия была распределена между людьми, набранными в гарнизоны многочисленных крепостей, построенных Абдул-Вадудом по всей стране (эти гарнизоны были предназначены выполнять функции полиции) ⁴². Остальное оружие было роздано «отдельным людям, проживающим в деревнях, которые должны выступать в случае необходимости по призыву властей» ⁴³.

Впервые на северо-западной границе Индии англичанам удалось провести (руками Абдул-Вадуда) разоружение около ста тысяч горцев. Насколько оно было действительно полным — сказать трудно. Но во всяком случае, даже если кое-где часть оружия и была припрятана, факт остается фактом: именно в Свате было впервые осуществлено то, что всегда признавалось английскими колонизаторами необходимым условием «замирения в полосе независимых племен».

Абдул-Вадуд запретил дальнейшее проведение обычая веш в княжестве Сват ⁴⁴. Это административное мероприятие было направлено, конечно, к выгоде знати и зажиточных общинников.

⁴¹ См.: «A collection of treaties, engagements and sanads relating to India and neighbouring countries», compiled by C. U. Aitchison..., 5th ed., Calcutta, 1933, vol. XI, p. 450—451.

⁴² В то же время было уничтожено большинство укреплений прежних ханов племен.

⁴³ W. R. Hay, *The Yusufzai State of Swat*, p. 245.

⁴⁴ W. Barton, *India's North-West frontier*, London, 1939, p. 36.— Исключение было сделано только в отношении рисовых полей.

Возникновение княжества Сват является примером очень позднего по времени создания феодального государства, получившего поддержку европейских колонизаторов. История этого княжества показывает, как империалисты используют в странах Востока феодальные элементы, сохраняя, когда это им выгодно, пережитки средневековья и самые архаические порядки, сочетающиеся иногда с поставленной колонизаторами современной техникой. Англичане постарались укрепить власть князя Свата, построив в его владениях дороги и проведя «телефонизацию» его государства. Столичная деревня Сайду-Шариф была соединена проволочными линиями с самыми отдаленными горными ущельями. Абдул-Вадуд получил возможность управлять своими подданными по телефону, давая устные приказания хакимам (губернаторам) и начальникам гарнизонов.

Князя Дира и Свата были верными вассалами английских колониальных властей. Но население этих княжеств в течение многих десятилетий принимало участие в борьбе других афганских племен пограничной полосы Индии против британского владычества. В восстании 1895—1897 гг., охватившем всю северо-западную границу Индии, одним из главных очагов был Сват. В начале XX в. в течение ряда лет англо-индийские власти оценивали положение в Свате как одну из самых серьезных угроз для колонизаторов в пограничной полосе. В дальнейшем население княжеств активно поддерживало национально-освободительную борьбу афганцев Пешаварской области, достигшую наибольшего размаха в конце 20 — начале 30-х годов. В эти годы среди некоторых афганских племен пограничной полосы происходили выступления, имевшие ярко выраженный антифеодальный характер. Таким было восстание 1932 г. в княжестве Дир, где повстанцы выступили против наваба и наиболее ненавистных его чиновников, одновременно выдвигая и антибританские лозунги⁴⁵. Причины, вызывавшие антифеодальные восстания трудящихся в Свате и Дире, коренятся в тяжелом положении крестьянства, в усиливавшемся феодальном гнете и эксплуатации земледельцев и скотоводов.

На жизни населения Свата уже в XIX в. тяжело сказывалось малоземелье. Земледельцы Свата перепахивали родовые кладбища, превращая их в засеянные поля. Рассказывали, будто, вспахивая кладбища, они обращались к покойникам с такими словами: «Смотрите, поджимайте ноги, плуг идет!!» Уничтожение могил — действие, несовместимое с традициями и с религиозными представлениями афганцев, — можно объяснить только очень вескими причинами. Путешественник-мусульманин, который побывал в Свате в 1858 г., пришел в ужас от такого кощунства, но сумел заметить реальные обстоятельства, побуждавшие юсуфзайских пахарей нарушать покой мертвых. Превращение кладбищ в пашни он объяснял прежде всего недостатком земли для многочисленного населения Свата⁴⁶. Это объяснение было принято и русским этнографом XIX в., составителем заметки о юсуфзаях⁴⁷. Причины сильного малоземелья кроются в общественных отношениях, в характере землевладения у племен Свата, при котором зависимые факиры были вовсе лишены земли и вынуждены получать участки для обработки на кабальных условиях издольной аренды, а также усиливавшимся неравенством

⁴⁵ Об этом восстании см.: Л. Р. Гордон, *Аграрные отношения в Северо-Западной пограничной полосе Индии (1914—1947 гг.)*, стр. 175.

⁴⁶ H. G. Raverty, *An account of Upper and Lower Suwat...*, p. 266.

⁴⁷ «Страна юсуфзаев» («Географические известия», 1873, № 6), стр. 17—18.

земельных наделов среди юсуфзаев и значительно возросшим в конце XIX — начале XX в. ханским землевладением. Имущественное неравенство среди племен долины Свата в 30-х годах XX в. достигло весьма большой степени. О малоземелье и бедственном положении рядовых членов юсуфзайских племен и факиров (арендаторов) говорят выборочные данные об обеспеченности землей и скотом по восьми деревням Свата, приведенные в таблице.

ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ХОЗЯЙСТВ СВАТА ЗЕМЛЕЙ И СКОТОМ *

Число хозяйств	Количество земли на хозяйство в га	Скота на хозяйство		Примечание
		крупного	мелкого	
20	2,5	5	3	
18	0,2	8	10	
150	0,3	0,9	2,3	
18	0,5	2	—	3 арендатора
70	0,1	0,4	0,7	
80	0,1	1	1	
25	0,5	3	1	
10	0,7	4	—	10 арендаторов
391	0,36	1,4	2	

* Данные взяты из кн.: И. Маздур, *Аграрный вопрос и крестьянское движение на северо-западе Индии (Пограничная провинция и Белуджистан)*, М., 1933, стр. 56.

* * *

До 1947 г. правители Дира и Свата были вассалами англичан, а при создании Индийского и Пакистанского государств оба они признали свою вассальную зависимость от Пакистана и право его правительства держать войска на территории их владений. В октябре 1955 г. существованию княжеств Дир и Сват юридически был положен конец в результате принятия в Пакистане закона об объединении Пенджаба, Синда, Северо-Западной пограничной провинции и других прежних административных единиц Западного Пакистана, равно как и всех находящихся на его территории княжеств, в одну новую провинцию — Западный Пакистан⁴⁸. Административные изменения в Пакистане, в связи с которыми княжества Дир и Сват исчезли с политической карты, отмечены в географических журналах⁴⁹. Осуществление административной реформы в Западном Пакистане, с чем связана история областей Дир и Сват в наши дни, выходит за рамки темы данной статьи. Приведем некоторые сведения об административном устройстве княжеств Дир и Сват в последние годы их существования. После вхождения Дира в состав Пакистана

⁴⁸ См.: «The Pakistan times», 1955, 15 and 16 October.

⁴⁹ См., напр.: «Geographische Rundschau» (Zürich—Wien), 1956, № 2, S. 79.

правитель этого княжества, каковым в 1951 г. был наваб Мухаммед Шах Джехан-хан (Хан-Бахадур), осуществлял власть над своими владениями единолично, визирей у него не было⁵⁰. Опорой его власти служило сильное ополчение. В Свате до самого недавнего времени существовало административное устройство, созданное Абдул-Вадудом, правившим до 1949 г. После отказа его от престола вали Свата стал его сын Миянгуль Абдул-Хакк Джеханзеб (с 11 декабря 1949 г.)⁵¹.

В административном отношении княжество Сват было разделено Абдул-Вадудом в начале его правления на четыре провинции: 1) собственно Сват, 2) Бунер, 3) область манданов (крупная ветвь юсуфзаев), 4) местности между хребтом, ограничивающим долину Свата с востока, и р. Индом. Административное деление княжества было осуществлено частично по территориальному, но в основном еще по родо-племенному принципу. Конечно, политический переворот, совершенный Абдул-Вадудом, не мог отменить существования родо-племенных связей, еще далеко не полностью сменившихся территориальными у юсуфзаев гор.

Собственно Сват был разделен на одиннадцать тахселей, девять из которых носили названия подразделений племени акозаев. Территории этих девяти тахселей точно совпадали с землями одноименных акозайских родо-племенных подразделений. Остальные два тахсиля включали в себя подвласную правителю Свата часть Кохистана. Бунер был разделен на пять тахселей, а область манданов — на два, образованных также по родо-племенному принципу; третий тахсиль этой области (Чамла) был создан по территориальному признаку, так как население этой долины уже в XIX в. было чрезвычайно смешанным и состояло из представителей всех манданских подразделений. Область между Сватом и Индом составлялась из семи тахселей, образованных, по-видимому, по территориально-географическому принципу.

Вали Свата Абдул-Вадуд, являясь неограниченным деспотическим правителем, имел в своем распоряжении трех помощников. Этими помощниками были визирь, сипах-салар и наследник («вали-и-ахд»). Визирь занимался делами административными и судебными, сипах-салар — военными, а наследник — финансовыми⁵². Правосудие осуществлялось по обычаям племен. Когда вали подчинял себе новую территорию, он созывал местных старшин, обычаи данного племени («ривадж») записывались, и этому обычному праву следовали затем при разрешении дел, имеющих чисто местное значение. Преступлениями против государства, а также преступлениями, направленными против безопасности (как грабеж на больших дорогах), занимался, как правило, лично вали. Доход казны Абдул-Вадуда составлялся из «ушра» (десятины) — налога на хлеб и другие продукты сельского хозяйства, а также от пошлин на ввоз и вывоз. Ушр в 20—30-х годах XX в. собирался натурой, натурой же преимущественно оплачивались государственные служащие, солдаты и офицеры (за исключением высших военных чинов).

Средний годовой доход казны составлял в 30-х годах около 12 лакхов рупий (т. е. примерно 90 тыс. ф. ст.), а в 1953/54 г. определялся примерно в 3 млн. пакистанских рупий⁵³. По утверждению пешаварского корреспондента газеты «Пакистан таймс», ежегодные расходы пра-

⁵⁰ «The Indian and Pakistan year-book and who's who» [s. 1.]; 1951, vol. XXXVII, p. 705.

⁵¹ Ibid., p. 705.

⁵² W. R. Hay, *The Yusufzai state of Swat*, p. 244.

⁵³ «Pakistan 1953—1954», Karachi [S. a.], p. 264.

вителя Свата на здравоохранение составляли 400 тыс. рупий и на образование 600 тыс. рупий⁵⁴.

В 1954 г. в Свате насчитывалось около 15 тыс. учащихся, из них 285 девочек. Имелось свыше 50 школ различных типов, один колледж и два религиозных училища «дар-ул-улум»⁵⁵.

Развитие капиталистических отношений затронуло в последние десятилетия и такие пограничные горные области, как Дир и Сват. Можно полагать, что этот процесс происходил интенсивнее в Свате — районе более богатом, гуще населенном и теснее связанном с внешним миром, чем Дир. У нас нет достаточных данных для сколько-нибудь полной характеристики социально-экономических изменений в Дире и Свате, еще несколько лет назад называвшихся в пакистанской печати «островами примитивного феодализма». Имеющиеся сведения позволяют судить, в частности, о приобщении местной знати к капиталистическому предпринимательству. Отметим только один довольно примечательный факт. Последний князь Свата выступает в качестве президента сахарной компании «Праймер шугар Милз» в Мардане (Пешаварская долина)⁵⁶.

⁵⁴ «The Pakistan times», 1954, 14 August.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ См.: В. Г. Растяников, С. А. Кузьмин, *Проблемы экономики Пакистана*, М., 1958, стр. 104. — Завод этой компании по сведениям 1955—1957 гг. был крупнейшим предприятием сахарной промышленности в Пакистане; на нем работало около 1100 рабочих, и он давал примерно третью часть сахара фабричного производства в стране.